

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕКАТЕРИНА БАКУЛИНА

18+

A promotional image for a film. Three women in historical costumes stand in a grand, stone-walled hall with arches and columns. The woman on the left wears a red and white dress with a corset and a purple cape, holding a sword. The woman in the center wears a long white gown and has her eyes covered by her hand. The woman on the right wears a dark blue and purple gown with a high collar and a tiara. The scene is lit with dramatic, low-key lighting.

ЖЕНЩИНЫ
ПРИНЦА СИГВАЛЯ

Екатерина Бакулина

Женщины принца Сигвала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64777103

SelfPub; 2021

Аннотация

Он – чудовище. Так говорят. Жестокость, порок и безмерная жажда власти. Наследник, но почти полноправный король при живом отце. Он все решает сам, и его не остановить. Говорят, нет женщины при дворе, которая не побывала в его постели. Нет мужчины, с которым он не дрался. Говорят, пирам он предпочитает пыточные подвалы. О нем многое говорят. Но юной принцессе Оливии, взятой как трофей в побежденном городе, предстоит стать его женой. И узнать, что за человек Сигваль на самом деле.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Оливия, трофейная принцесса	4
2. Ингрид, обнаженная леди	14
3. Ингрид, вино и плеть	21
4. Ингрид, откровенность	31
5. Ингрид, утренняя нежность	37
6. Исабель, королева	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Екатерина Бакулина

Женщины принца Сигваля

1. Оливия, трофейная принцесса

На его шее – огненная птица.

Ожог. Маленькими черточками, словно кто-то раз за разом прикладывал тонкий раскаленный предмет, может быть, острие ножа, рисуя перышки. Не слишком умело, не слишком уверено, в одних местах следы остались довольно бледные, розовые, в других – до жутких лопнувших волдырей.

На это невозможно смотреть, неприятно, неприлично, пробирает до дрожи, но не смотреть не выходит, взгляд так и тянется. Тем более, что принц даже не пытается свою птицу прикрыть. Ведь мог бы надеть сорочку с воротником повыше или, хотя бы, повязать на шею платок...

Вчера на нем был платок...

Приличия принца не заботят.

Оливия все пытается отвести взгляд, но...

Слева тонкая длинная шея птицы и хохолок, доходящий почти до уха. Ниже, ближе к ключице раскинулись крылья. Туловище и хвост уходят куда-то глубоко под одежду, на грудь.

Если представить каково это – становится дурно.

Вряд ли его пытали.

Но для забавы – слишком жестоко.

И стоит он слишком близко.

Чуть уловимый запах мускуса, лошади и пряных луговых трав... и утреннего тумана. Принц только что вернулся с прогулки, ранним утром, и, не желая ждать – собрал их здесь.

– Рад встрече с вами, Оливия, – у него неожиданно мягкий, приятный голос. Обычный голос обычного человека, и за этими словами – лишь вежливость и капля любопытства. Совсем капля.

Оливия молча делает легкий реверанс.

Он смотрит.

У него старый шрам на пол лица, через бровь на щеку. Он и без того не красавец.

Но его взгляд прожигает насквозь, у Оливии нестерпимо горят щеки. Под этим взглядом она чувствует себя совершенно голой и незащищенной... прямо тут, в тронном зале, рядом с сестрами и отцом, в окружении придворных, при полном параде. Но он смотрит так, словно кроме них двоих никого в целом мире нет.

Интересно, каждая женщина думает, что он так смотрит именно на нее?

На губах принца безмятежная светская улыбка...

Увидев его впервые, Мария, младшая сестра, даже удивилась. «Это тот самый Сигваль? Я думала, он старше и... вы-

ше». Но Мария почти девочка, она не смогла правильно оценить.

Этот человек наголову разбил войска их отца, что не удалось пока никому, прошелся по всей Бейоне всего за два месяца, и едва не сжег Лурж. Только милость Господа спасла их от огня. Милость, и еще готовность отца идти на любые уступки.

Увидев его впервые, вчера вечером, когда Сигваль только въезжал во двор, старшая сестра, Каролине, мечтательно облизнулась. «У человека с такими стальными яйцами должен быть по-настоящему стальной член. Мне уже не терпится проверить». Но Каролине можно. Остайнский принц приехал сюда за ней, чтобы увезти ее и сделать своей женой. Она проверит.

Но смотрит сейчас принц не на Каролине.

– Оливия, посмотрите на меня? – говорит мягко.

Ему в глаза. Нужно всего лишь поднять от птицы взгляд... Он стоит так близко, что Оливия легко может разглядеть его широкие светлые брови и такие же светлые пушистые ресницы. Он выше совсем немного, не нужно задирать голову. Близко. Можно разглядеть даже, как волоски на левой брови чуть свернулись и спеклись от жара, и ресницы чуть-чуть... Под глазом на щеке – еще один тонкий ожог. И глаз немного красный, но почти незаметно, только вблизи.

Сердце бьется пойманной птицей – неровно и отчаянно.

Нет... у принца красные глаза, но не из-за тех игр с ог-

нем, в которые он играет. Он просто устал, вымотался и хочет спать. На мгновение это вдруг так отчетливо проступает под маской непробиваемого циничного спокойствия и уверенности в себе. Сегодня ночью принц вряд ли спал много, рано встал, и это после дальней дороги. Он всего лишь человек.

Обычный человек. Но он отлично держится.

И Оливия невольно улыбается ему, едва заметно, уголками губ.

Сигваль замечает эту улыбку, ловит и улыбается в ответ. Легко и открыто, как улыбался вчера, когда она еще не знала, кто он, думала – один из рыцарей свиты, когда наткнулась на него в длинных коридорах замка, и он просил показать дорогу. Она показала, проводила немного, до лестницы, он шел рядом, улыбался и нес какую-то дурь о закатах над Райной... Всего немного, потом они разошлись, и каждый направился по своим делам. Тогда это ничего не значило.

Когда он улыбается – у него непостижимо меняются глаза. Теплеют.

Мгновение. Пара ударов сердца, и наваждение исчезает.

Он отворачивается. Делает шаг в сторону мимо Каролине. И Оливия только сейчас замечает, как Каролине злится.

– Я хочу поговорить о вашей дочери, – говорит он громко, отцу.

– Я слушаю, ваше высочество, – соглашается тот.

Отец Оливии, король Хеймонд, на высоком троне, на воз-

вышении, в золоте и парче... Сигваль стоит у подножия, он мальчишка рядом с королем, одет скорее для утренней прогулки, чем для официального приема... И все же, ни у кого здесь нет сомнений, что распорядиться имеет право именно Сигваль. Сила на его стороне, остальное – не в счет.

– В прошлый раз мы решили, что я возьму в жены вашу дочь, – говорит Сигваль, спокойно и властно. – Но не решили – какую. Я возьму Оливию.

– Что? – отец удивляется, кажется, он ослышался. – Но почему?!

– Я так хочу, – говорит Сигваль без всякого выражения. Это просто факт.

Каролине бледнеет, ей тоже поверить нелегко, она так ждала...

– Мне казалось, мы говорили о Каролине, – еще пытается отец.

– Говорили. Я сказал, что подумаю. И подумал, – он поворачивается к принцессе. – Простите, ваше высочество, но брак это серьезный шаг. Благодарю, что помогли мне сделать выбор.

Холодно, равнодушно, вежливо. По-деловому.

Каролине вспыхивает.

– Да как ты можешь?!

– Могу, – говорит Сигваль. – Не стоит орать.

– Ты не имеешь права так со мной поступать! Ты обещал! Ты говорил мне! – в глазах Каролине слезы и ненависть, она

даже бросается вперед, пытаюсь вклепить Сигвалью пощечину. – Не имеешь права так поступать!

Он перехватывает ее, ловит за запястье. Крепко держит.

– Имею право, – говорит холодно. – Мне не понравилось. И я не обязан терпеть это всю жизнь.

Каролине отчаянно дергается в его руках.

Он не говорит прямо, но сложно не понять. Сегодня ночью Каролине спала с ним. И ему не понравилось. Так унижительно.

Отец каменеет, вцепившись в подлокотники трона.

– Все – вон отсюда! – командует Сигваль придворным. – И ребенка заберите тоже.

Он кивает на стоящую рядом Марию.

– Я не ребенок! – горячо возмущается она. – Я принцесса Бейоны и уже взрослая! И если вы, ваше высочество, хотите отказаться от моей сестры, то, может быть, я...

– Хватит, – прерывает Сигваль. – Ты тоже считаешь стать моей женой? Какого черта? Мне нужна жена сейчас, а не когда ты подрастешь.

– Я уже взрослая, – настойчиво повторяет Мария, без страха смотрит ему в глаза. – Я уже способна зачать ребенка!

Марии пятнадцать.

Сигваль морщится.

Он все так же стоит, сжимая запястья Каролине, но словно не замечая этого.

Качает головой.

– То, что из тебя уже льется кровь в определенные дни, не делает тебя взрослой, – терпеливо объясняет он. – Ты еще многого не понимаешь в жизни. И совсем не знаешь меня. И если узнаешь ближе – ужаснешься. Просто потому, что многие вещи ты пока не готова понять. И принять – тем более. Ты еще девочка, а девочкам не место в моей спальне. Мне нужна женщина. Для взаимного удовольствия. А чтобы бережно держать за ручку и утирать сопли – мне хватает сестер. И... Мария, ты обязательно найдешь свое счастье. Чуть позже... – он замолкает ненадолго, рассчитывая, что она сейчас сама все поймет и уйдет. Но Мария не уходит. – Все, пошла отсюда, – Сигваль кивает ей.

Мария обиженно поджимает губы и смотрит на отца, ища поддержки.

Но отец не поддержит сейчас, он только качает головой.

И Мария, наконец, подчиняется.

Зал пустеет.

Только они вчетвером.

– Ублюдок! – злобно шипит Каролине сквозь зубы. – Ты унизил меня при всех!

Сигваль снова морщится, отталкивает ее от себя и сам отступает на шаг.

– Нет, – говорит холодно. – Ты сделала это сама.

Каролине неудержимо трясет, кажется, она готова убить его.

– Потому, что я пришла сама?! Я верила тебе! Я...

– Нет, – прерывает Сигваль. – Не потому. Я никогда не бываю против, если женщина сама проявляет инициативу. Если она хочет получить удовольствие и узнать меня получше – это отлично. Я только за. Тем более, если она так охотительно прекрасна!

Сигваль ухмыляется, окидывая Каролине сальным оценивающим взглядом. Она действительно невероятно хороша, ей нет равных при дворе. Но сейчас, она так некрасиво жалко краснеет, бледнеет под его взглядом, ее губы дрожат.

– Я хочу дать тебе совет, Лине, на будущее, – ровно и тихо говорит Сигваль, так, что, пожалуй, за десяток шагов уже не слышно. – На тот случай, когда ты все же найдешь себе подходящего человека в мужья, – держи язык за зубами. По крайней мере, до свадьбы. А лучше – всегда. Потому, что это, блядь, пиздец! Если ты, блядь, уже в первую ночь так выносишь мозг, то мне даже страшно представить, что будет дальше. Никогда, ни при каких обстоятельствах, а уж тем более в первый раз, не начинай рассказывать, как ты все отлично понимаешь, какая ты проницательная, разумная, и сейчас прямо всем расскажешь, как надо поступить. Потому, что ты не понимаешь ни хуя. От тебя никто не ждет этого понимания. Да, блядь, сдалось оно мне? Все, что было нужно, это вовремя заткнуться. Особенно, когда тебя вежливо просят. А уж когда просят невежливо – тем более. И не лезть своими куриными мозгами и куриными лапами незнакомому человеку в душу. Не копать там. И не рассказывать, как чело-

век без твоего ценного мнения всю жизнь был неправ. Тебе понятно?

– Ты ублюдок! – Каролине белеет, словно сейчас упадет в обморок, у нее почти истерика. – Что такого я сказала тебе? Что я сделала? Я всего лишь спросила, что за сука так разукрасила тебя? Какой тварью надо быть, чтобы вытворять такое?! Ты просто больной урод! Да мне стало страшно! А если ты решишь сделать такое со мной?! Она хотела выжечь тебе сердце? Ты хотел умереть? Что это? Ты ненормальный! Я, всего лишь, пыталась посочувствовать тебе, а ты! Ты связал меня, заткнул рот и оттрахал, как шлюху! Я даже стерпела! Я... Но вот сейчас... За что?!

Сигваль устало вздыхает.

– Еще раз, Лине. Последний раз. Ты открываешь свой нежный ротик только в двух случаях. Когда хочешь так сладко и горячо стонать, показывая, насколько тебе приятно. Это восхитительно, от твоих стонов встанет даже у мертвого. И еще – если захочешь взять член в рот и облизать его. Тут все тоже отлично. Во всех остальных случаях, ты только улыбаешься и киваешь. И, блядь, молчишь.

– Ублюдок! Тебе не жена нужна, а шлюха! Чтобы трахать ее, и чтобы она не смела и слова сказать!

– Шлюх мне хватит без тебя. И новая – ни к чему. Мне надоело, Лине. Еще одно слово, и я свяжу и выебу тебя прямо во дворе. Моей репутации это не повредит. А тебе – решай сама. Могу поспорить, ночью тебе даже понравилось.

В последних словах – едкий сарказм.

Один вдох и один выдох.

Поворачивается к Оливии.

– Хочется сказать, что мне жаль, – говорит он. – Но, пожалуй, даже к лучшему, что ты слышишь все это. Так точно не будет иллюзий на мой счет. Иллюзии – это зло. Вот только не знаю теперь, стоит ли спрашивать: хочешь ли ты выйти за меня замуж?

– Нет, – тихо говорит Оливия, потрясенно. – Не хочу.

– Боюсь, у тебя нет выбора.

– Это чудовищно, – так же тихо говорит она.

– Да, – соглашается он.

– Она так ждала тебя... – Оливия и сама не может понять, для чего говорит это. Сейчас ее тоже так... сгоряча...

Сигваль зажмуривается на мгновение, до хруста сжимает зубы.

Потом снова смотрит на нее, глаза в глаза.

– Мне жаль, – говорит шепотом.

– Мне тоже.

Оливия поворачивается к нему спиной, даже не думая спрашивать разрешения. И идет прочь. И он даже не думает остановить.

– Три дня! – только бросает королю. – Подготовьте все, что нужно. Через три дня мы уезжаем. Я забираю ее.

2. Ингрид, обнаженная леди

Еще до поездки в Бейону, до Оливии.

За две недели до.

Той птицы на шее еще нет.

Когда Ингрид видит, как он выходит из Малого Зала Совета, один, как идет, резким рваным шагом, словно слегка пьяный, и слепо утыкается в стену, упираясь в нее вытянутыми руками, наваливаясь, словно желая сдвинуть, глухо и страшно рычит... Понимает, что выбрала удачный день.

Когда он со всей дури лупит каменную стену кулаком, потом еще раз и снова, словно пытаясь разнести все к чертям. И еще раз, даже не чувствуя, как содраны костяшки, и по пальцам течет кровь – она понимает, что лучшего момента и не найти.

Сейчас.

Только осторожно.

Он словно раненый зверь – уязвим, но безумно опасен. Одно неверное движение, и убьет.

Это возбуждает. Безумно возбуждает.

Она идет к нему через весь пустой зал тихо и мягко, словно кошка. Крадучись.

Он все равно слышит, хотя до последнего момента не подает виду. Да Ингрид и не сомневается...

Он разворачивается к ней резко, когда ей уже кажется, что удалось, когда протягивает руку, чтобы коснуться его плеча.

Резко разворачивается всем корпусом.

Но не хватается ее за руку, хотя, по идее, должен был. После всех разборок и криков, после всех выяснений отношений с отцом, после открытых и молчаливых войн с этим лордами, советниками, торгашами и кредиторами, кто-то мог захотеть воткнуть нож ему в спину. Легко. Странно, что до сих пор жив, он же мешает им всем.

Но он открывається. Не перехватывает, а открывається наоборот. Если бы нож был у Ингрид в руке, она легко бы воткнула ему под ребра.

Несколько долгих мгновений они смотрят друг другу в глаза. Изучая.

Вблизи он нравится Ингрид еще больше. И эта смесь силы, взведенного до предела напряжения, ярости и... отчаянья.

И то, что она хочет ему предложить – он сейчас примет так же, с открытым сердцем. Или убьет ее за такие предложения. В любом случае не отвернется равнодушно. Ему нужно выплеснуть ярость, скопившуюся внутри, так или иначе. Ярость и боль.

Она улыбается ему... или, скорее, своим мыслям о нем, чуть кривовато.

Делает шаг вперед, дотронувшись, положив руку ему на плечо. И сама подается к нему, прижимаясь, раньше, чем он

успеваает отстраниться. Хотя, если бы он захотел, то успел бы, Ингрид видела, как он двигается, когда хочет – стремительно. Видела, как он дерется.

И, прижавшись к плечу, чувствует, как колотится его сердце. Но не от ее близости, конечно, а от того порыва, бросившего его ломать каменные стены. Еще не улеглось.

Замирает.

– Кто ты? – хрипло спрашивает он.

– Ингрид.

Он хмыкает с таким выражением невозможной усталости, словно говоря: как же все эти течные суки достали меня!

– И что же ты хочешь? – спрашивает, тем не менее.

– Хочу, чтобы ты выпорол меня, – говорит Ингрид. – Плетью. До крови.

Смотрит, как отчаянно бьется жилка на его шее.

Он хмурится. Недоверчиво дергает бровью, словно сомневаясь, что расслышал правильно.

Тогда она берет его за руку, ту, которой он бил о стену, поднимает, слизывает с пальцев кровь.

– Выпороть? Тебя? – говорит он.

– Да, – говорит она. – Меня это возбуждает. Немного боли и немного ласки потом.

Поворачивает его руку и берет пальцы в рот, обхватывая губами, медленно... Горячая кожа и горячая соленая кровь.

– Нет, – говорит он, но руку не отбирает. И, значит, все правильно.

Она облизывает, целует кончики пальцев.

– Тогда я выпорю тебя, принц Сигваль, – говорит тихо. – Больно. Но это поможет тебе расслабиться. Нам обоим поможет. И это лучше, чем лупить кулаками стену.

Он усмехается.

– Есть и другие способы.

– Да? – она делает вид, что не понимает. – Ты собирался напиться?

И всем телом прижимается к нему, трется, чувствуя, как его член уже встал, и какой он горячий и твердый... так быстро.

– Нет, – говорит Сигваль, почти с сожалением, – я не могу напиваться, завтра утром у меня дела.

– Тогда что нам еще остается? – задумчиво и тягуче спрашивает Ингрид. – Пить и трахаться. Какие еще варианты? Хочешь, можешь взять меня прямо здесь, для начала. А потом мы решим.

Прижимается и касается губами его шеи, вдыхая его запах. Боже, еще немного, и она потеряет голову... Рано...

– Прямо здесь? – спрашивает он.

– Да.

Огромный проходной зал. В любое мгновение сюда могут войти. А, может, даже сейчас кто-то наблюдает за ними.

Но Ингрид не боится. Ей давно нечего терять.

И она хочет этого.

– Хм-м...

Он берет ее за талию, впервые прикасаясь к ней сам. Чуть отстраняет от себя. Разглядывает, размышляя. Потом отпускает, делает шаг в сторону, и вокруг нее.

Останавливается за спиной.

– Я хочу снять с тебя платье, – говорит он, но это не вопрос, а просто объявление намерений. – Хочу видеть тебя голой.

– Снимай.

Без колебаний.

Она не видит, но слышит, как он достает нож. Невольно вздрагивает. Но он только режет шнуровку, не желая развязывать, надрезает сверху край и разрывает, сдергивая. Потом так же стаскивает с нее нижнюю юбку, сорочку...

Ингрид остается в одних чулках... а, нет, еще туфли.

Голая, в огромном зале.

Такое острое отчаянное чувство незащитности.

Он кладет ей руки на талию, с боков, медленно ведет вниз, по бедрам. С легким нажимом. Она чувствует, какие у него грубые, шершавые ладони, с мозолями от оружия. Это неожиданно возбуждает – вот именно это. Тепло и тяжесть его рук. Тепло его тела, совсем рядом. До трепета.

Потом... одна его рука остается лежать на бедре, другая поднимается вверх и самыми кончиками пальцев – по позвоночнику, между лопатками, к пояснице и ниже... и между ног, не останавливаясь, внутрь. Словно он проверят – готова ли она. Да... Чувствуя его пальцы в себе Ингрид нетерпели-

во стонет, прикусывает губу и чуть подается к нему. Упирается руками о стену.

Он тихо усмехается, с пониманием. И эта усмешка, сама по себе, обжигает, как плеть.

– Сейчас, – говорит ей на ухо, в его голосе – сарказм, его дыхание она чувствует кожей.

Он расстегивает штаны...

Легкое, горячее прикосновение... и вдруг так резко он насаживает ее на себя, сразу и до упора, что Ингрид теряет равновесие, руки соскальзывают, едва не падает.

Она бы сейчас с размаху ударилась о стену головой от этого толчка, но он успевает подставить ладонь. И лбом о его ладонь.

– Тихо, – говорит он, и сарказма больше нет, только чуть-чуть иронии, мягко. – Держись лучше.

Но руку не убирает. Такое простое проявление заботы... что щемит сердце.

И Ингрид невольно упирается в эту руку головой, прижимаясь к ней, не желая терять, и в стену руками, и еще больше подается на него, хотя кажется, глубже уже невозможно. Все это почти нереально.

Другой рукой он обхватывает ее живот, помогая ей, и сам начинает двигаться. Немного плавно назад и резко вперед. Вбиваясь в нее. И все быстрее, так, что подкашиваются ноги и темнеет в глазах. Ингрид стонет, потом кричит. Ее стоны эхом отдаются в пустом зале. Потом, почти безотчетно, когда

даже кричать не хватает сил, вцепляется в его руку зубами, пытаюсь хоть как-то удержаться. И где-то тут ее накрывает. Она еще напряженно выгибается в его руках, и обмякает, совсем без сил. Она бы упала, если бы не он.

Немного времени, чтобы отдышаться и прийти в себя. Его дыхание ей в ухо, его жесткая, колючая щека осторожно трется о ее шею. Щекотно. Почти с нежностью. Его горячее семя течет по ее ноге... значит, он кончил не в нее. Смешно. Хочется сказать, что он может не волноваться, бастардов она ему не родит, у нее не будет детей... Но сейчас нет сил на это.

Сигваль осторожно, медленно вытягивает руку из-под ее лба, немного трясет ей, и тихо, почти со смехом шипит сквозь зубы.

– А ты отлично кусаешься.

Становится немного стыдно. Ингрид только сейчас понимает, что прокусила до крови ту руку, которая защищала ее, которой он бил в стену.

– Прости, – говорит растерянно.

– Ничего, – соглашается он. – Кажется, ты хотела выпороть меня? Еще не передумала?

– Тебе не хватило?

– Не хватило, – все так же соглашается он.

Смеется, тихо и почти весело. Он готов поддержать ее игру.

3. Ингрид, вино и плеть

– Вот, держи, – он снимает кафтан и надевает на нее. Ингрид послушно просовывает руки в рукава. – А то замерзнешь.

Ее платье он бесповоротно порвал.

Мелькает трусливая мысль – подобрать и попытаться натянуть хоть нижнюю юбку, не бегать тут с голыми ногами. Но это будет неправильно. Нечестно в той игре, что она затевает сама.

– Идем, – Сигваль застегивает на ней одну среднюю пуговку, чтобы кафтан не распахивался, и улыбается. Ему нравится.

– Сейчас, подожди... – она чуть не забыла.

Плетка. У нее была под платьем, спрятанная на груди. Он сдернул платье, и плеть тоже куда-то упала.

Наклоняется к вороху одежды, достает. Тонкая, но достаточно жесткая, четыре хвоста намотаны на рукоять... и рукоять, костяная, в форме члена, очень реалистично.

– Дай-ка, – Сигваль заинтересованно протягивает руку.

Ингрид отдает.

Он расправляет, примеряет к руке, ухмыляется, разглядывая рукоять. Хвосты плетки проклепаны маленькими стальными коготками. Не слишком острыми и не слишком тяжелыми, но весьма чувствительными при ударе.

– И ты хотела, чтобы вот этим – тебя? – в его голосе недоверие. Да – больно. И при хорошем ударе коготки сдирают кожу, Ингрид знает это прекрасно. И он тоже видел, в каких шрамах ее спина.

– Я хотела этим – тебя, – она улыбается в ответ, с вызовом. Сигваль качает головой, в такт каким-то своим мыслям.

– Хорошо, – говорит он. Сматывает вокруг рукояти, отдает ей. – Идем.

И не дожидаясь, не оглядываясь, поворачивается и идет сам. Широким размашистым шагом, не заботясь о том, пойдут ли Ингрид за ним. Он не сомневается. Она бежит, проклиная все на свете, не поспевая. Потом, плюнув, снимает туфли, так бежать за Сигвалем куда удобнее.

Больше всего мечтая, чтобы им встретилось по пути как можно меньше людей...

Но люди встречаются. И не только слуги, но и... два молодых дворянина, слегка навеселе, присвистнув, провожают их взглядом, и еще... леди Розамунда, с которой только утром Ингрид сидела в саду, беседуя о благочестии. И Сигваль даже останавливается поцеловать ручку и пожелать леди доброй ночи, сказать какую-то изящно-куртуазную чушь... скотина... И даже встает так, чтобы Ингрид, невольно дернувшаяся спрятаться за его спину, спрятаться больше не может. В одном мужском кафтане на голое тело – это слишком очевидно, с туфлями в одной руке, и с плеткой в другой.

Хорошо. Ингрид будет сильной. Это ее игра, она начала.

Ей нечего терять.

Не краснеть.

И Ингрид сует плеть подмышку, так, что головка костяного члена отчетливо торчит, и решительно делая шаг вперед, берет Сигваля под руку.

– Нам пора, дорогой, – говорит, надеясь, что голос не подведет. – Пожелай этой благочестивой леди спокойной ночи.

И голос не подводит, выходит нежно и немного томно. А в Сигвале Ингрид почти уверена. Внезапно – уверена, сейчас он не подставит ее.

Розамунда зеленеет, кажется, благочестивую леди хватит удар. Это невообразимо приятно.

Сигваль усмехается. Нет, у него совершенно не меняется лицо, все та же правильная светская улыбка. Ингрид скорее телом чувствует, как он вздрагивает от подступающего смеха.

– Прошу простить нас, – невозмутимо говорит он, – но моя леди слишком горяча, чтобы заставлять ее ждать. Доброй ночи.

И легкий поклон Розамунде.

Потом целует Ингрид в висок.

– А ты мне нравишься, – говорит тихо.

Дальше они идут под руку, до самых дверей спальни. Молча. Как бы там ни было, ему не до пустых разговоров сейчас, и мыслями он далеко не здесь. Даже притом, как уверено держит Ингрид за руку, притом, как легко и непринужденно

соизмеряет свои шаги с ее. Это всего лишь привычка...

От его близости колотится сердце.

Его спальня...

Первое, что бросается в глаза – огромная кровать. Чтобы сразу прояснить для всех приоритеты принца.

В глубине у окна: стол, заваленный бумагами, полки с книгами – кажутся почти незаметными.

– Хочешь вина? – гостеприимно предлагает Сигваль.

– Да.

Рядом на столике – кувшин и два бокала.

Он сам наполняет один, потом второй. Делает небольшой глоток и словно к чему-то прислушивается. Потом отдает Ингрид второй.

– Хорошее вино? – спрашивает она.

Кажется, за тем, как он пробует, стоит что-то большее.

– Сойдет, – отвечает небрежно, улыбается. – Твое здоровье.

Первым выпивает до дна, словно воду.

Ингрид неторопливо пробует. Хорошее вино, насыщенное и терпкое.

Сигваль выжидающе смотрит на нее.

Ну же... Именно за этим она и пришла.

– Я хочу, чтобы ты разделся, – говорит принцу.

– Хорошо, – соглашается он.

Ставит бокал на столик, садится на край кровати, стаски-

вает сапоги. Он раздевается так спокойно, не напоказ, словно один в комнате, словно сейчас все снимет и завалится спать голым. Даже не глядя на Ингрид... То есть... один только быстрый взгляд, такой, что у нее разом подкашиваются ноги. Взгляд, с полным циничным пониманием происходящего.

Ингрид делает судорожный глоток, слишком быстрый, такой, что едва удается удержаться, чтобы не закашлять. И понимания на лице принца неумовимо становится больше. Ему весело.

Он раздевается и подходит, останавливается рядом, словно давая Ингрид возможность разглядеть его.

Вот что в нем? Он чуть выше Ингрид, у него широкие плечи и широкая грудь, жилистые руки. На груди волос не много, но живот весь зарос светлой кудрявой шерстью. Его член недвусмысленно торчит вверх, выдавая все возбуждение принца, но лицо убийственно спокойно... У него крепкие ноги, а на его теле добрая дюжина шрамов. Вот так, голый, он выглядит не лучше и не хуже любого молодого мужчины, проводящего на войне и в седле больше времени, чем в собственной постели.

Его сила чувствуется без сомнений.

И что-то такое в осанке, в развороте плеч... Его глаза... Его взгляд – вот что важно.

Он забирает у Ингрид бокал, ставит на пол. Плетку тоже забирает, сует себе подмышку, потом расстегивает пуговку

кафтана на Ингрид. Раздевает ее. Бросает камзол на пол и возвращает плеть.

Все это зачаровывает.

– Ну и? – говорит требовательно.

Ингрид вздрагивает. Наваждение... Облизывает губы.

– Я хочу связать тебе руки, – почти с усилием говорит она.

– Нет.

На мгновение становится страшно – он отказывается.

– Ты боишься? – еще пытается она.

Сигваль улыбается, обезоруживающе.

– Не пытайся поймать меня подначками, – говорит он. –

Мне не нравится, когда меня пытаются связать. Я не хочу. Но могу пообещать тебе, что не дернусь и не попытаюсь остановить, пока ты сама не захочешь. Даже если ты решишь забить меня до смерти.

Улыбается. Словно это шутка.

Он принимает ее игру, ничего не спрашивая. Вот только власти над собой он не дает, лишь свою милость.

И спорить – не выйдет.

– Хорошо, – его волю приходится признать. – А на колени ты встанешь?

Вместо ответа, Сигваль молча опускается на колени перед ней. С прямой спиной. Просто демонстрируя, что он готов сделать это.

Хорошо...

– Не здесь, – говорит Ингрид. – Тебе нужно будет за что-

то держаться. Давай, у кровати.

Да? Нет? Сердце колотится.

Он соглашается, поднимается на ноги. Подходит к кровати и встает на колени рядом, опираясь руками. Спиной к ней.

Вот и все. Вот то, ради чего Ингрид пришла сюда. Только она думала, что это будет иначе, что будет... больше похоже на месть. Но мести не выйдет. Он слишком другой. Слишком...

Сейчас не время думать об этом. Потом...

Иначе она не сможет.

Плеть в ее руке.

Ингрид встряхивает, разворачивая хвосты. Короткий резкий замах в воздухе – отдается щелчком.

Принц ждет.

И все же, Ингрид не может удержаться, чтобы вначале не дотронуться до его спины. Нежно. И он почти неуловимым движением выгибается под ее пальцами, тянется за ними. Так, словно на самом деле ждет лишь нежности.

Что-то до боли сжимается в животе.

Нежности не будет. Не с ней. Нет.

Сейчас...

Она выпрямляется, отступая на шаг, кусая губы. Короткий замах. И со всем чувством, что есть, проходится плетью по его спине. Чтобы наваждение развеялось окончательно, чтобы почувствовать это...

И... ничего.

Красные полосы вспухают разом, но ни единого движения, ни единого стога. Сигваль все так же, почти расслабленно, стоит на коленях, опираясь ладонями о кровать. По его плечу, там, где зацепился коготок, течет алая капелька крови.

В это сложно поверить.

И чтобы поверить, Ингрид бьет снова. И еще раз. И еще. Так сильно, как только может, до ломоты в плече.

И ничего.

Настолько, что пронзает обида. Кажется – ее обманули. Не может так быть.

Когда она, еще совсем недавно, хлестала плетью Ансура, у него были связаны руки, он извивался и стонал, наслаждаясь этим сам и даря наслаждение ей, это было так удивительно сладко, что Ингрид едва не кончала от ощущения собственной власти над ним, своей силы и вседозволенности. Она делала это медленно, с оттяжкой, упиваясь каждым движением... Вот только стонов Ансура ей не хватило. Это была слишком игра, вполсилы. Она хотела большего.

Когда-то Ингрид истошно орала под этой плетью сама. Правда, это совсем не было игрой.

Бить Сигваля почти так же, как бить каменную статую в саду. Настолько никак, что кажется глупым.

Это поднимает в ней безумную ярость, но не наслаждение.

Она пытается еще, хочется пробиться. Хочется выбить из него хоть что-то. Так невозможно! Ну, пожалуйста!

И в запале, каким-то неровным обратным движением плетка задевает ей по ноге.

Ингрид вскрикивает. Это помогает немного опомниться.

Сигваль поворачивается на ее стон.

– Ты что, совсем не чувствуешь боли? – почти всхлипывает она.

– Чувствую, – хрипло говорит он.

Так хрипло, что... Да все он чувствует. Лоб мокрый от пота. Вздувшиеся вены на руках, и руки от напряжения мелко подрагивают, белые пальцы судорожно сжаты.

– Ты не стонешь! – словно оправдываясь, говорит она.

– Это обязательно?

Да, мать твою! Иначе, какой тогда в этом смысл?

Вместо ответа, она бьет снова. Почти истерично.

И бросает плеть.

Хватит! А то она убьет его.

– Хватит! Я больше не могу! – и чуть не плачет.

Хочется разрыдаться от отчаянья. Хочется упасть прямо тут на месте.

И она чуть не падает, но Сигваль успевает подхватить ее. Обнять, прижимая к себе. Сейчас по его лицу еще ничего невозможно понять, улыбаться он не в силах. Но голос...

– Ну, что, выплакалась? Или еще нет? – в голосе насмешка.

И хочется убить его. И она бы убила, ударила бы, но он держит крепко.

Только ему и самому тяжело стоять, поэтому заваливает Ингрид на кровать. Мастерски так заваливает, прижимая собой.

А потом он трахает ее. Так жестко и страшно, что она пугается. В какой-то момент паника накатывает так безумно, что ей кажется – он сейчас ее убьет, она кричит, отчаянно дергается под ним, пытаюсь вырваться. Но не вырвешься.

И он вдруг замирает, тяжело дыша. Пытается смотреть ей в глаза, хотя Ингрид сейчас не может сосредоточиться, все плывет.

– Отпустить? Ты хочешь уйти? – хрипло спрашивает он.

Безумие.

Абсолютное безумие.

Уйти сейчас, прямо так? И все это закончится?

Он отпустит?

– Нет!

Она не хочет.

– Тогда расслабься, – тихо говорит он, целует в скулу у самого уха. – Дыши.

И все начинается снова. Только без паники, паника уходит. Но все равно остается чувство, что она сейчас умрет. Сердце разорвется, дыхания не хватит... она просто не успевает.

4. Ингрид, откровенность

Ингрид приходит в себя, прижавшись к его груди. Он обнимает ее.

По ее щекам льются слезы. Обычные такие слезы, даже без всхлипов, без особого повода, но не остановить, словно что-то прорвалось и рухнуло разом.

А он, так нереально, гладит ее по волосам. Он даже одеялком успел ее укрыть, чтобы было теплее.

Все тело ломит.

Безумие снова.

– Ну, как ты? – спрашивает Сигваль, утирая большим пальцем слезы с ее глаз.

Ингрид пытается прислушаться к своим чувствам. Но только пустота. Такая звенящая пустота внутри...

– Не знаю, – говорит она.

– Все вышло не так, как ты представляла?

– Да, совсем не так.

Только высказав вслух, она понимает, как вдруг стало легко. Не так. Совсем не так! Но она получила другое, может быть, даже более ценное. Она пока не знает, что с этим делать, но все равно рада, что все именно так.

И еще, ее никто и никогда так не обнимал. От этого хочется расплакаться снова.

– Почему я? – спрашивает Сигваль. – Почему ты пришла

с этим ко мне? Какие-то личные счета?

В его руках тепло, и совсем не страшно об этом говорить. Она ведь ни с кем не говорила.

– Личные. Но не с тобой. Больше всего, я хотела бы сделать это со своим мужем. Но это невозможно. Он уже умер. Я пыталась... с другим... но это не то. Это было хорошо, но мне не хватало. Не до конца. И тогда я решила предложить это тебе. Выдрать плеткой самого принца Сигваля... мне казалось...

Ингрид болезненно усмехается. Все не так.

– Неплохая была идея, – он улыбается в ответ.

– Плохая, – говорит она. – С тобой все неправильно. Тебя не заводит боль, ты сам не получаешь удовольствия от этого. Почему ты согласился?

– Мне стало интересно, – он чуть дергает плечом. – Меня никогда не били плетью, никому не приходило это в голову. Даже розгами в детстве.

– Тебе стало интересно? Вот это вот – ради чистого интереса? Ты теперь месяц на спине не сможешь лежать!

– Да ладно...

Он легко перекачивается на спину, увлекая ее за собой. Пачкая кровью простыни... Немного морщится, его дыхание становится чаще...

– Я переживу, – говорит он, голос не меняется. – Ну и еще, было интересно, как далеко я сам в таких играх могу зайти. Насколько меня хватит.

– Дальше, чем готова зайти я.

Он хмыкает, словно говоря, что и не сомневался.

– Ты ненормальный, – говорит Ингрид.

– Так и есть, – смотрит ей в глаза. – Твой муж бил тебя?

Ингрид зажмуривается, прижимается к его груди. Теперь она лежит на нем, а он обнимает ее, осторожно гладит пальцами по спине.

Говорить больно. Словно раскрывать старые раны.

– Бил. С самой первой ночи, – признается, на выдохе.

Немного молчит. – Я была девочкой тогда, наивной и невинной. Я хотела быть ему хорошей женой, родить кучу детишек... Я так верила, что все будет хорошо. А он, в первую же ночь, после пира, решил показать, что со мной будет, если я не буду его слушаться. Мне было так больно и так плохо, я не понимала, за что заслужила такое.

Он слушает, молча и терпеливо.

Она прижимается щекой, слушая, как бьется его сердце – так проще говорить, не глядя в глаза.

Кто бы мог подумать, что все закончится этим – что Ингрид будет плакать на груди у принца Сигваля. Кто бы мог подумать, что такое вообще возможно с ним.

– Сначала было еще ничего, – говорит Ингрид. – Я даже забеременела. И он даже стал относиться ко мне чуть терпеливее. Но потом... Я сама не поняла, что сделала не так. Он вернулся с охоты, и ему не понравилось, как я встречаю его. Он избил меня. И я потеряла ребенка. А потом стало

совсем страшно. Он хотел наследника, а я больше не могла, не выходило. Он бил меня. Говорил, я должна понести наказание... Сначала в спальне. Потом прямо во дворе, при всех. Раздевал и бил, и насиловал тоже при всех. Я хотела умереть. А потом он ушел с тобой в Бейону, и я вздохнула с облегчением. А потом он погиб там... и я... Я ненавижу его до сих пор. Я рада, что он сдох, но жалею, что не я сама убила его. Вот так.

Приподнимает голову, смотрит на него.

В глазах Сигваля понимание. Не сочувствие даже, а просто понимание. И тепло.

И от этого становится немного спокойнее. Словно слетает лишнее, уходит...

Так безумно хочется попросить его...

Но она не станет.

Совсем скоро, со дня на день, сюда приедет отец, и ее отвезут в монастырь. Ее вышвырнули из дома покойного мужа, она никому не нужна. Она сбежала сюда, думала... Не важно. Ничего не выйдет. Все уже решено. За нее некому вступиться.

Она могла бы попросить самого Сигваля, вот он, рядом...

Но это будет неправильно.

Она пришла не просить. Она пришла получить то, чего хочет. И он дал ей. Честно. Пусть все вышло совсем не так, но это не важно.

Она не станет.

Не сейчас...

Но только сейчас, вот так, в его руках, невероятно легко поверить, что все будет хорошо, и она под защитой. Что есть человек, который позаботится о ней.

Это лишь иллюзия. Она больше не глупая девочка, чтобы верить в такое.

Ингрид даже осторожно освобождается из его рук, сползает и ложится рядом.

И он выдыхает... такой невольный искренний вздох облегчения, что даже смешно. Переворачивается на бок, обратно, потом, подумав, ложится и вовсе на живот.

– Болит? – спрашивает Ингрид. Это и так понятно, но хочется услышать от него хоть что-то человеческое, поверить, что ему тоже может быть больно. А то она уже сомневается, что он человек.

– Да-а, – довольно говорит он. – Лупишь ты, что надо.

Потягивается с легким стоном... вот тем самым стоном, которого она так ждала. Потом кладет голову на руки.

– Ну, а тебе? – говорит она, боясь снова вернуться к себе. – Стало легче? Ты был такой злой, когда я встретила тебя. Думаю, хотел кого-нибудь убить.

– Очень хотел. И даже не кого-нибудь, а... Не важно. Но твоя ласка немного помогла мне, – ирония в его голосе, почти насмешка. – Но помогла еще не до конца. Сейчас я, пожалуй, немного отдохну, а потом трахну тебя еще разок. В попу, для разнообразия. И потом, думаю, можно спать.

Так по-хозяйски. Небрежно.

И так, что становится не по себе.

– Еще разок? Да ты просто чудовище!

– Нет, у меня просто был тяжелый день. Так вышло.

Он смотрит на нее, выжидающе.

– А если я не хочу? – осторожно говорит Ингрид.

И даже не потому, что не хочет, а потому, что хочет знать.

– Ты можешь идти, я не держу тебя, – так же небрежно говорит он. – Что-нибудь из одежды... вон там можешь взять плащ, завернуться в него целиком, по самые уши, никто не заподозрит, что ты голая. И иди.

Он так смотрит... Да никуда она не пойдет. Что бы он ни делал с ней.

– Но мне, почему-то кажется, что ты захочешь остаться до утра, – говорит Сигваль. – Не бойся, на этот раз я аккуратнo.

– Ты можешь аккуратнo? – не очень верит она.

– Я все могу, – уверено говорит он.

5. Ингрид, утренняя нежность

– Завтрак готов...

Проснувшись, Ингрид не сразу понимает, кто лезет к ней обниматься. Это так странно.

Ее целуют в плечо, потом в шею, щекотно трутся щекой о скулу.

– Ну, если вставать не хочешь, я сожру все сам, – с теплой усмешкой.

Она вздрагивает. Едва не подпрыгивает от этих слов. Разворачивается к нему.

Все, что было вчера вдруг разом встает перед глазами.

До паники.

– Не пугайся, это, всего лишь, я.

Сигваль. Всего лишь...

Он обнимает ее, осторожно гладит ладонью живот.

Мальчишка. Удивительно, каким мальчишкой он выглядит с утра. Такой расслабленный и довольный, почти беспечный. Светлые волосы, серые глаза, даже немного веснушек на носу – она и не заметила. Волосы мокрые... Он успел умыться или даже поплескаться вовсю, вон, грудь тоже слегка мокрая.

Он смыл кровь...

И он все еще голый.

От него пахнет нагретой водой и мылом. И жареным беко-

ном еще... или не от него, а просто пахнет, завтрак же принесли.

Едва рассвет.

Бог ты мой, пошевелиться после вчерашнего Ингрид не в силах. Если бы не это – можно было бы решить, что те забавы ей приснились. Или, вернее, что снится сейчас. Снится, как Сигваль нежно и неторопливо обнимает ее, берет в ладонь ее грудь, гладит большим пальцем – чуть-чуть щекотно и так приятно. Даже пугает немного, потому, что так не может быть.

И, наверно, поэтому она...

– Я не хочу завтрак, я хочу спать.

Невольно сжимается, пытаюсь подтянуть колени, закрыться...

Бойтся поверить. Лучше уж сразу.

Если бы она сказала такое мужу, если отказалась идти с ним, он бы ее убил. Самое меньшее – вытащил бы из постели за волосы и...

– Ладно, – соглашается Сигваль, целует в плечико, у него такие теплые губы. – Значит, мы можем не торопиться.

Он гладит ее грудь осторожно, почти задумчиво, обводит пальцем сосок, чуть сжимает, тянется к ней губами, и, точно так же, как пальцем, обводит языком. Медленно... Это кажется так странно... Просто потому, что от Сигваля она ожидает другого. А он ведет пальцами на живот, и под спину, всей ладонью, мягко прижимая к себе. Глубокий вдох.

И тело Ингрид само подается к нему, отвечая на эту ласку, произвольно, со стоном... Но в голове... в голове почти смятение. Невольное ожидание удара, как только она расслабится.

Но он лишь разворачивает ее к себе. Под себя. Разводит ее ноги, чуть приподнимая, направляя.

Разглядывает ее.

– Ты невероятно красивая, – говорит просто и без затей, от души.

Его ладони скользят по ее коже, так, что хочется выгибаться им навстречу.

А потом Сигваль наклоняется к ней и целует в губы. Все так же искренне, и так горячо. И, вместе с поцелуем, входит в нее, медленно, тоже лаская, наслаждаясь этим движением... Обнимая и прижимая к себе, наполняя собой.

И это вдруг болью отдается в сердце. Едва не до слез.

Ингрид не понимает...

Это больше не похоже на игру, на взаимное удовлетворение, даже на страсть... что-то большее. Пусть мимолетное, но настоящее чувство.

Ингрид не готова.

Нет, она боится. Это чувство не наполняет ее сердце, а лишь отдается звенящей пустотой. Она больше не может любить, даже вот так, на одно утро. После всего, что с ней было – любовь безвозвратно выгорела внутри.

Нежность отдается тоской и тянущей болью.

И то, что происходит сейчас...

– Что это за тюленьи ласки? – говорит она, лишь только он отрывается от ее губ.

Сломать это наваждение.

– Тебе не нравится? – он все еще довольно улыбается, ничего не изменилось, только где-то в глазах...

– Мне нравилось вчера... поживее. А для этого мог бы и не будить меня.

Провокация. Пусть лучше он ударит ее, чем так. Пусть лучше ей будет больно сейчас... потому, что если позволить ему, поверить – то будет в стократ больнее, когда он уйдет.

– Поживее? – его ухмылка становится жестче. Он крепче обнимает ее за бедра, и резко толкается в ней. – Так?

– Еще! – требует она. – побыстрее.

И он дает ей еще. И резче, и глубже... больнее. Так же, как вчера, а, может быть, даже куда злее, потому, что вчера это был искренний порыв, а сейчас – идет от разума, не от сердца. Еще резче и еще. И никому из них двоих от этого не хорошо. То есть – не так. Не так хорошо, как должно было быть. Ингрид кричит под ним, сама не понимая, от наслаждения или от обиды.

Он кончает, и тут же, без паузы... только один выдох... поднимается на ноги.

Идет одеваться.

Нет, сначала немного воды в лицо – остыть. И все.

Это непостижимо.

Ингрид пытается прийти в себя, отдышаться, справиться с навалившейся слабостью.

Но когда находит в себе силы хотя бы сесть – он уже натянул штаны и почти застегнул сорочку.

– Ты можешь не вставать, – бросает ей через плечо. – Я буду занят весь день, никто не потревожит тебя. Спи, еще очень рано. Потом скажи слугам, тебе принесут завтрак. И твое платье скоро принесут, я распорядился. Отдыхай.

В его голосе сухая отстраненная вежливость.

Мальчишка... Бог ты мой! Она задела его чувства. Но он слишком взрослый и слишком сильный, чтобы это показать. У него ведь вообще нет никаких чувств – это известно всем.

Нельзя же так!

Собравшись с силами Ингрид встает.

Успеть, пока он не ушел.

Подходит, обнимает его сзади, когда он почти застегнул камзол.

И телом чувствуя, как он напряжен, и как напрягается еще больше от ее объятий. Но не пытается освободиться.

Не оборачивается. Просто ждет.

– Прости, – говорит она.

– Не говори глупости.

– Прости, – она качает головой, прижимается щекой к его плечу. – Я испугалась. Нежности... Я не привыкла, что со мной так... испугалась... прости...

Теряется вдруг. Как все это выразить словами?

Он вздыхает и немного расслабляется. Потом поворачивается и целует ее в висок.

– У меня сегодня тоже много дел, – говорит спокойно и ровно. – И к вечеру, неизбежно буду злой, голодный и с желанием кого-нибудь убить. Если захочешь – приходи. Будет так, как тебе понравилось. Без тюленьих ласк.

Несколько мгновений смотрит ей в глаза.

Где-то там, на дне – одиночество.

– Отдыхай, – говорит небрежно, потом поворачивается и уходит.

Одиночество. Она тоже остается совсем одна.

6. Исабель, королева

Исабель обиженно кривит губы.

– Ты был с женщиной!

– Был, – равнодушно говорит он.

Обходит ее, наливает себе вина, садится в кресло у окна, вытягивает ноги.

Изабель поворачивается к нему левой щекой, давая рассмотреть синяк и уголок разбитых губ.

– Посмотри, что он снова сделал со мной!

– Напомни мне, Иса, – говорит Сигваль. – Какого хера я тебе должен?

– Тебе все равно?

– Да, мне все равно. Ты просила меня зайти. Я зашел. Что еще?

– Он бьет меня, а тебе все равно?!

Сигваль покачивает в руке бокал вина, делает небольшой глоток...

– Он твой муж, – говорит спокойно. – И мой отец. Я заебался устраивать разборки каждый раз, как он повысит на тебя голос. Пока ты была нежной и тихой девочкой, я жалел тебя и предпочитал играть в благородного рыцаря, защищающего даму. Теперь мне плевать, я устал от этого. Не устраивает – собирай вещи, детей, и езжай в Форкун, там покой и морской воздух. Я сделаю так, что тебя никто не побеспоко-

ит. Но пока ты здесь – разбирайся сама.

– Скажи ему! Он тебя слушает!

– Он король. Мне сейчас и без того хватает поводов давить на него. Мне нужно выбирать, в чем идти на уступки. И уж прости, но Керольские земли, которые он хочет вернуть Бейоне, и договоренности с Мирокским банком для меня важнее.

– Деньги для тебя важнее!

– Да, Иса. Деньги.

– Ты просто боишься!

– Иса...

– Ты боишься, что он решит отравить еще одну твою сучку! Или что, на этот раз, тебя?!

Лицо Сигваля неувовимо каменеет. И Исабель прикусывает язык. Не стоило. Так она ничего не добьется.

Этой истории чуть больше года...

На самом деле, этой истории семь лет, ровно столько, сколько Исабель жена короля Северина. Далеко не лучшего из мужчин.

Но чуть больше года назад Северин тоже ее ударил. Пьяная скотина. Он напился и полез к ней, требуя выполнения супружеского долга. Ее всегда воротило, когда он распускал руки, тянулся лапать ее. Исабель слишком резко и честно ответила, и он ударил.

Тогда она побежала жаловаться Сигвалю, в тот же вечер. Сигваль вылез из постели и пошел разбираться. Он же мог...

Сложно сказать, что у них там было, но после этого, почти год, Северин ходил тише воды, ниже травы. Он даже близко не подходил к жене, довольствуясь любовницами.

Вот только Сигваля после этого пытались отравить. По приказу короля. Да, именно так, при желании все можно вытащить наружу, все узнать, а Сигваль умеет правду вытаскивать. Его хотели отравить по приказу отца, да.

Только отравили не его, а случайную девочку, греющую ему постель. Эта дура просто неудачно первой схватила бокал...

И теперь...

Сигваль холодно смотрит на нее.

– Да, я боюсь, Иса, – ровно говорит он, без всякого выражения.

– Но неужели ничего нельзя сделать? – еще пытается она.

– Уезжай. Там тебе будет лучше.

– Это тебе без меня будет лучше!

– И мне. Возможно, даже Бранду морской воздух пойдет на пользу, он перестанет так часто болеть. И Нете там понравится. И Беате...

– Дети должны жить с отцом!

– Это ты сейчас кого имеешь в виду? – Сигваль саркастически поднимает бровь, и королева вспыхивает.

– Ублюдок!

Сигваль морщится, отпивает немного вина. Откидывается на спинку кресла, чуть ощутимо дергает плечом.

– Сядь, Иса. Ты же сама хотела поговорить.

Но она не может успокоиться, ее трясет.

– Значит, когда я была девочкой, ты любил меня! А теперь, родив троих детей, я стала старой и тебе больше не нужна?!

– Старой? Мы ровесники, а мне до старости еще далеко.

– Женщины стареют раньше. И, конечно, я уже не такая, какой была семь лет назад!

– Ц-ц-ц, – Сигваль с чувством цокает, качает головой. – Какая жалость.

– Ублюдок!

– Да, ты уже говорила.

Хочется убить его, свернуть шею. Но кто тогда...

– Я не могу их увезти. Девочки будут очень скучать без тебя.

– Девочкам сейчас куда больше нужна мать, чем старший брат. Ты хоть сама вспоминай иногда, что у тебя есть дети.

– А ты помнишь о них?!

– Я?

– Беате твоя дочь, а не Северина! Ты знаешь!

Сигваль вздыхает, ставит бокал на пол, всем видом показывая, что собирается встать.

– Если это все, Иса, то я пойду.

– Стой!

Она не позволит ему так уйти.

Почти бросается вперед, садится к нему на колени. Вер-

хом на него, так он точно не сбежит.

– Я скуечаю, Сиг... – так нежно, как только способна, и проводит пальцами по его щеке. – Ты нужен мне.

Он смотрит на нее равнодушно.

– Я так надеялась, что ты придешь вчера вечером, но ты не пришел, – говорит Исабель, кладет руки ему на плечи, потом медленно на грудь. – Я не могла уснуть без тебя, мне снились кошмары. Если бы ты пришел, Северин бы не тронул меня. А ты...

Она сама готова вспыхнуть, касаясь его. Все еще... да. Память странная штука. Она так любила его!

Он смотрит равнодушно. Пустота в его глазах. Ни капли сострадания и любви.

– А я не пришел.

Исабель поджимает губы. Она еще пытается. По его груди, на живот, и ниже. Гладит через одежду его член, и даже чувствует пальцами, как он отзывается, начинает вставать.

Вот только в глазах Сигваля все та же пустота безразличия.

Раньше это всегда действовало. Когда он был мальчишкой. Теперь, конечно, когда он может легко получить любую шлюху во дворце в любое время... Ей не сравниться.

Но она королева. Он не имеет права обращаться с ней так!

– А сегодня утром? – почти игриво говорит она. – Ты не торопился ко мне. У тебя тоже были дела?

Он пожимает плечами... О-оо, все знают, что у него куча

дел! Он занят с утра до ночи.

– Расскажи, – нежно просит она, все еще пытается гладить его, даже сама пододвигается как можно ближе.

Он смотрит ей в глаза.

– Я мог бы заглянуть на рассвете, но ты еще спала. Поэтому, вместо тебя мне досталась толпа, жаждущая справедливости и правосудия, – говорит устало. – Если помнишь, этой херней давно занимаюсь я, отцу недосуг.

– Они замучили тебя? А потом?

– Потом Гверо из Мирока. Нам, все-таки дадут денег и не будут так активно стрясать долги до будущего года, я договорился. Но только в том случае, если финансовыми вопросами буду заниматься лично я. Мне еще предстоит донести эту мысль до отца. Не думаю, что ему понравится... Ну, а потом Бранд заловил меня кататься на лошадках.

– Что? – Исабель вздрогнула.

– Бранд ждал меня у дверей кабинета, хотел покататься. Мы взяли девчонок и поехали. А они храбрые, знаешь. Беате так забавно визжит от радости, когда скачешь рысью.

Вздрогнула. Даже руки убрала.

– Рысью? Верхом? Беате два года, ты сошел с ума?

– Я держу их, не бойся. Ничего с ними не случится, им нравится. Иса, я брал Беате, да и Нете тоже, в седло, как только они начинали ходить. Какого хера сейчас? Бранд, конечно, большой мальчик и едет сам, отлично держится. А я вместе с девочками.

– С девочками?! Ты брал их обеих? Сразу?

– Не заставляй же их ждать.

– А если бы они упали с лошади? Как ты можешь держать их обеих?!

– Иса... – Сигваль подхватывает, поднимает ее и ставит рядом, встает сам. – Хватит. Что ты хотела?

Нужно к делу. А то он уйдет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.